

Муниципальное бюджетное учреждение культуры
«Централизованная библиотечная система Рыбинского района»

Знаменитые люди Красноярского края

*НАШЕ
КУЛЬТУРНОЕ
НАСЛЕДИЕ*

Дайджест

Заозерный 2014

СОДЕРЖАНИЕ:

1. Ломанова, Т. М. Красноярск и Сибирь в творчестве Василия Сурикова / Т. М. Ломанова. – Красноярск: ООО «Поликор», 2013. – С. 106 – 109.....3
2. Андрей Поздеев: Говорящий с ветром. – Красноярск: Тренд,2013. – С.7- 12.....6
3. Наш Астафьев: Художественно-биографический альбом / под редакцией В. М. Ярошевской. – Красноярск: издательство «Поликор», 2011. – С. 26 – 27.....13
4. Винская, Л. Огонь на себя. Творческая судьба русского писателя Анатолия Чмыхало / Л. Винская. – Красноярск: ООО «Поликор», 2009. – С. 68 – 70.....17

Составитель:

О. Н. Попова, главный библиограф

Редактор:

Г. Н. Мяликова, заведующая методико-библиографическим отделом

**Красноярский край известен людьми,
которые внесли большой вклад в
развитие культуры нашей страны.
Это люди, прославившие наш край,
среди них
художники В. И. Суриков, А. Г. Поздеев,
писатели В. П. Астафьев, А. И. Чмыхало.**

**Предлагаем Вам для прочтения отрывки
из книг, посвященных этим талантливым
людям.**

Ломанова, Т. М.

Красноярск и Сибирь в творчестве Василия Сурикова / Т. М. Ломанова. – Красноярск: ООО «Поликор», 2013. – С. 106 – 109.

Сибирь была прекрасным источником для творчества художника. Не только в исторических полотнах прослеживается отношение художника к своей родине, но, прежде всего, в огромном количестве самостоятельных, нередко этюдных работ, выполняемых художником на протяжении всей его жизни. Суриков посвящал родной земле живописные холсты и графические листы, в которых раскрывал пейзаж, быт, историю Сибири, делал портреты близких людей. Акварели и рисунки Сурикова, выполненные в Сибири, - это большой раздел его творчества, десятки законченных и незаконченных самостоятельных живописных и графических работ, не связанных с основными историческими полотнами. Большинство из них создано во время многочисленных поездок в Сибирь. В них художник не искал определенного состояния времени года, дня, как он это делал в пейзаже исторических работ, а показал ту Сибирь, которая его взрастила и вдохновляла, показал во всей ее

красоте, во всем многообразии. Великолепное композиционное мастерство и мастерство колориста, знающего и умеющего показать красоту родины, делают каждую из этих работ заметным явлением. Его живописные и графические работы находятся во многих музеях страны и, прежде всего, в музеях Красноярска. Но эта часть пейзажного творчества художника почти не рассматривалась в работах, посвященных Сурикову.

Хакасские степи, горные отроги, могучие сибирские реки питали мощный талант Сурикова, воспитывали его монументальное видение. В пейзажных работах В. И. Сурикова, посвященных Сибири, прослеживается стремление к панорамности. Художник не создает приятных глазу камерных ландшафтов.

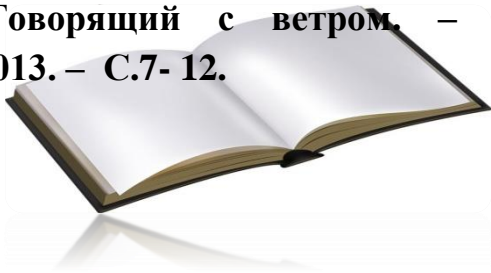
Авторскую взволнованность перед этой вечной суровой красотой ощущаешь в каждом листе. Об этом качестве суриковских пейзажей говорили исследователи: «Он (Суриков) считал, что суровое обаяние сибирской природы заключалось не в отдельных лирических уголках, а в ее целом. Поэтому зрителю, рассматривающему сибирские пейзажи Сурикова, кажется, что это не часть местности, попавшей в поле зрения художника, а вся огромная дикая тайга, вся Сибирь с ее горами и лесами», - писали в книге «Василий Суриков» Г. С.

Гор, В. Н. Петров (М.: Молодая гвардия, 1955). И это впечатление создается у каждого, кто близко знакомится с пейзажным творчеством В. И. Сурикова.

Главным действующим лицом множества живописных холстов, акварелей, рисунков на протяжении всей жизни был Красноярск, в те времена небольшой провинциальный городок, затерянный в сибирских снегах. Но для художника это был единственный город, где он отдыхал душой, где полной грудью вдыхал воздух родины.

Здесь он 11-12-летним подростком делал первые натурные акварели Енисея, сюда приезжал всю свою жизнь и здесь находил покой и отдохновение от всех печалей. Красноярск и его живописные окрестности проходят через все творчество художника, начиная с его детских работ и заканчивая акварелями, выполненными в последнюю поездку 1914 года. Всегда, в каждой, даже самой небольшой работе, чувствуется глубоко поэтическое, взволнованное отношение к родному городу. Маленькие узкие улочки были наполнены для В. И. Сурикова очарованием, ароматом детства, юности.

**Андрей Поздеев: Говорящий с ветром. –
Красноярск: Тренд, 2013. – С.7- 12.**

В. И. Жуковский

*Визуальная сущность эталонных произведений
Андрея Поздеева*

За десятилетия творческой жизни Андрей Геннадьевич Поздеев создал множество замечательных произведений, сотни рисунков, гравюр, акварелей и живописных картин. Творческое наследие мастера удивительно целостно. При всем том оно достаточно свободно дифференцируется на несколько относительно самостоятельных сфер, объемов либо групп, в чьих границах общность произведений зависима не столько от хронологических или акцидентально жанровых факторов, сколько от их атрибутивно существенных свойств.

Первая из таких групп объединяет картины, в которых изображение преобладает над выражением, а единичное главенствует над Единым. Андрей Геннадьевич предпочитал работать в нескольких живописных жанрах –

«портрете», «пейзаже», «интерьере», «натюрморте», «ню». В каждом из них он создавал произведения, которые могут быть включены в условные границы данной группы, поскольку они в первую очередь нацелены на чувственное явление сущности того или иного достаточно конкретного фрагмента реальности, наглядное представление преходящего мгновения действительности. Например, картина «Старый Красноярск» (1973) знаменует собой охоту художника срочно визуализировать остатки уходящих в прошлое городских улиц, энергично заполняющихся новостройками, а пейзаж «У Китайской стенки» (1970) вызван желанием запечатлеть ягодное изобилие, как-то случившееся осенней порой в тайге возле заповедных «Столбов».

Портрет «Актриса Августа Кленчина» (1976), также принадлежавший к творениям первой группы картин, призван передать миг актерского триумфа в результате великолепно сыгранной роли, а натюрморт «Фарфор и фаянс» (1973) изображает еще не остывший от печного жара посудный хоровод, только что получивший свежую яркоцветную роспись.

Произведения первой группы по большей части сохранились лишь от начального этапа творчество художника. Но это отнюдь не значит,

что Андрей Поздеев не создавал подобные картины в иные годы своей художественной деятельности. Напротив, они творились мастером на протяжении всех лет его жизни. Однако лишь редкие из этих замечательных произведений, к сожалению, дошли до нас. Художник периодически либо их собственноручно уничтожал, либо активно раздаривал многочисленным знакомым.

Другая группа произведений Андрея Геннадьевича Поздеева – это картины, обобщающие достижения, полученные в результате порождения живописных творений предыдущей группы. Каждое из подобных произведений не выходит за жанровые пределы, однако в своей совокупности это творения-типы, то есть особенные живописные создания, в которых мера общего намного превышает меру единичного, мера выражения – меру изображения, а вневременное преобладает над ежесекундно изменчивым.

Например, при сравнении двух картин написанных в разные годы, но живописно представляющих букеты цветущего подсолнечника, легко заметить, что произведение «Подсолнухи», созданное в 1970-е годы, принадлежит к первой группе авторских творений, поскольку преимущественно нацелено на изобразительное подчеркивание внешнего облика этих огромных

цветов и своеобразие их совместного проживания, тогда как картина «Подсолнухи», написанная в 1982 году, явно относится ко второй группе, потому что всецело ориентирована на чувственное явление сущности подсолнухов как необычайно чутких земных локаторов блага солнечной энергии.

Сопоставление многочисленных картин мастера, написанных в жанре «ню», показывает, что они также могут быть дифференцированы. Так, произведение «Обнаженная» (1973) принадлежит к первой группе, ибо главным образом живописно подчеркивает пластические особенности девичьей плоти. Что же касается картины «Модель» (1988), то она, независимо от даты создания, бесспорно, входит в состав второй группы Поздеевых творений, поскольку повествует о загадочности и лунной недоступности женской сути.

Картины иной группы, в данном случае третьей по счету, но не по содержанию, визуализируют как стадию углубленного проникновения в суть конкретного живописно изображаемого события действительности, так и представляют наглядную трансформацию и расширение пределов этой сущности. Например, размышления Андрея Геннадьевича о душевной чистоте девушек, рискнувших обнажиться перед живописцем-мужчиной, привели к преображению

формы и содержания картины «В мастерской художника» (1969) и чувственно явленную суть произведения «Летящие», созданного в 1980-е годы.

Идущие ещё с фронта раздумья художника о судьбах земных существ, у которых для потехи или из-за чьей-то гордыни насильственно отнимают жизнь, привела к видоизменению натюрморта «Убитые птицы» (1969) в такую эпического пафоса картину, как «Война», сотворенную Поздеевым в 1981-ом году. Рефлексия художника над отчлененными от корней цветами, которые ему в избытке со своих дач привозили знакомые или которые он сам постоянно покупал в киосках для многочисленных цветочных натюрмортов, привела к произведению из небытия в бытие необычайно выразительной картины «Цветы и люди» (1981), демонстрирующей, что человек, срубая цветочные головки, тем самым выступает в качестве палача, лишаящего самого себя своей собственной головы.

Еще одна картина произведений Андрея Поздеева – это картины, прорывающие жанровую ограниченность. Подобные творения интегрируют в себе несколько жанров. Они подобны метаморфозам. В них элементы натюрморта могут выступить в виде живописных частей портрета, а элементы пейзажа или жанра «ню» вдруг предстать

в качестве деталей интерьера. Например, картина «Корабль» (1980), зачиная собой корабельную серию, обобщила своею чувственно явленной сущностью и содержание пейзажного произведения «Весна на Енисее» (1963), и суть натюрморта «Корзина сирени» (1969), и даже композиционную основу творения интерьерного жанра «Мастерская» (1973).

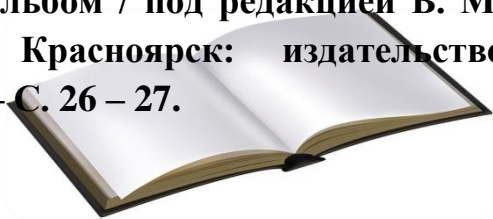
Благодаря жанровой интеграции в произведениях, входящих в данную группу, неизмеримо возрос типизирующий эффект. В них мера общего находится в стремлении ко всеобщему, а визуально явленная реальность обретает уровень наглядного воплощения действительности. Таковые художественные образы способны достичь интегрально-иконического статуса.

Четвертая группа – произведения-шедевры. Подобные эталонные творения из знаково-иконических образований прорастают в образования знаково-символические. Они визуализируют не суть действительности, а представляют бездонные глубины сущности бытия. Эти произведения важны не только и не столько сами по себе. Они как воздух необходимы людям прежде всего потому, что представляют из себя нечто вроде мостовых вех или нитей, обладающих редчайшей способностью объединить конечного

человека с бесконечным, слить в единое целое Дольнее и Горнее, людское и божественное. К образцовым картинам-шедеврам Поздеева, бесспорно, принадлежат такие его великолепные творения, как «Пир» (1981), «Моление о чаше» (1982), «Разговор об истине» (1983), «Адам и Ева» (1985), «Сотворение мира» (1986), «Чаша» (1987), «Страсть» (1987), «Рождество» (1989), «Тайная вечеря» (1990), «Тишина» (1991), а также все без исключения живописные картины, входящие в серию «Жизнь человека» (1989).

Не каждому даже весьма талантливому живописцу даруется честь сотворить хотя бы одно произведение, которое могло быть включено в подобную группу образцовых живописных работ. То, что художнику удалось создать несколько картин-шедевров, свидетельствует о великой миссионерской чести, выпавшей на долю Поздеева.

Наш Астафьев: Художественно-биографический альбом / под редакцией В. М. Ярошевской. – Красноярск: издательство «Поликор», 2011. – С. 26 – 27.

Возвращение в начале 80-х годов в Красноярск Виктора Петровича Астафьева стало рубежом в духовной жизни его земляков-красноярцев. К тому времени в городе существовала целая плеяда ярких и талантливых авторов, работающих в разных жанрах. Среди них – А. Черкасов, А. Чмыхало, М. Успенский, А. Бушков и другие писатели, о творчестве которых Виктор Петрович был самого высокого мнения: «...я люблю книги сибиряков. В них, у талантливых, разумеется, авторов и не наезжих, а коренных сибиряков – всегда покоряет выпуклая образность, сочный и богатейший язык, сочная природа...».

Астафьев вернулся лауреатом Государственной премии СССР за книгу «Царь-рыба». И приумолкли графоманы – планка литературного творчества взлетела на недостижимую для них высоту. Пригорюнилась власть – рядом находился человек, при котором стыдно было сделать что-то не так.

Писатель верил в будущее сибирских авторов. В своем интервью журналу «Огонек» (1986) он говорил: «Вообще, у меня предощущение появления гения в литературе. И на этот раз он, думается мне, появится не в пределах так называемого российского Нечерноземья, а на нашем сибирском просторе, где содержатся еще мощь, энергия, сила».

Астафьев всеми силами поддерживал молодые дарования, помогал развивать их крепнувший талант.

В 1994-м году при участии писателя была создана некоммерческая организация «Благотворительный фонд имени Виктора Петровича Астафьева». Основная деятельность фонда – поиск и поддержка талантливой литературной молодежи, присуждение ежегодных всероссийских литературных премий. А спустя четыре года, 26 октября 1998 года, открылся Литературный лицей, директором которого стала первый лауреат астафьевского фонда поэтесса Марина Саввиных. При поддержке Виктора Петровича удалось наладить издание литературного альманаха «День и ночь».

К 70-летию писателя руководители города подарили ему старинный особняк в центре Красноярска, который он передал под

Литературный музей. Музей посвящен исключительно сибирским писателям и литературе о Сибири. В собрании музея уникальные изобразительные, письменные источники, документы, фотографии, плакаты, афиши, автографы писателей и поэтов XIX-XX веков, редкие книги и журналы XIX-XX вв. В музейной библиотеке хранятся книги и архивы сибирских писателей. Один из залов посвящен целиком творчеству В. П. Астафьева. В Литературном музее проходят заседания Благотворительного фонда имени В. П. Астафьева, проходят презентации различных изданий – альбомов, книг, кинофильмов, встречи с писателями, режиссерами телевидения и кино.

Виктор Петрович с большой любовью и доверием относился к коллективу Красноярского краевого краеведческого музея. С директором музея Валентиной Ярошевской их связывала многолетняя искренняя дружба. Именно ей, единственной из Красноярска, он посвятил повесть «Обертон».

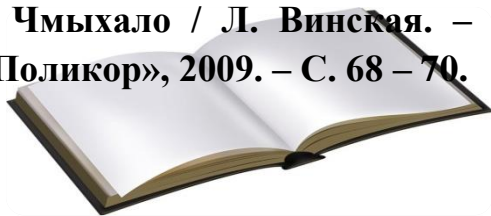
При создании Литературного музея В. П. Астафьев поставил обязательным условием его статус – только как филиал краеведческого музея.

Еще при жизни Виктор Петрович Астафьев распорядился частью своего наследия, адресовав завещание директору музея В. М. Ярошевской.

Красноярский краевой краеведческий музей на протяжении нескольких десятилетий ведет систематическую работу по комплектованию, сохранению и популяризации творческого наследия В. П. Астафьева и располагает значительной коллекцией, раскрывающей жизненный и творческий путь писателя: подлинные фотографии, запечатлевшие писателя в различные периоды его жизни, портреты Астафьева кисти известных российских и сибирских художников, письма, личные вещи, документы, театральные афиши, плакаты, правительственные награды, уникальное собрание сочинений.

Винская, Л.

Огонь на себя. Творческая судьба русского писателя Анатолия Чмыхало / Л. Винская. – Красноярск: ООО «Поликор», 2009. – С. 68 – 70.

Он уверен: писатель не должен никому служить. Пришел и сказал. А уж там - услышат ли, поймут ли... Бог даст, и услышат, и поймут. Но прежде, чем сказать, он должен разобраться во всем сам. Вот почему Чмыхало не доверяет историкам, которые исследовали ту или иную тему для него. Он уважает их труд, но это считает он, их труд. Их, но не его! И в этом разница. Потому-то, познакомившись с его итогами, писатель всё отодвигает в сторону и начинает с чистого листа – и познание жизни определенного периода, и отображение ее через выбранные им образы. Он не надеется на случай, хотя понимает, что бывают и счастливые случайности – как в работе, так и в жизни. И опять-таки не понаслышке знает. Самой жизнью обязан молоденький офицерик Анатолий Чмыхало случаю. Случаю да ещё, как ни странно, житейской людской корысти...

Бомба разорвалась совсем рядом. Старшего лейтенанта Чмыхало тяжело ранило, он потерял

сознание. И может быть, погиб бы, не окажись рядом через некоторое время трофейщики. Они увидели полу офицерской шинели и решили, видно: не пропадать же добру, хозяин-то Богу душу отдал, уж и землей его засыпало. Потянули за полу, вытащили, а шинель-то на парне вся изрешеченная. И вдруг он застонал. Живой! Вот так и спасли будущего писателя, переправив его в медсанбат.

Да, писатель никому не должен служить. А уж тем более прислуживать. Даже своим читателям. А это всегда было распространено. Нынче тоже встречается сплошь и рядом. Но и в данном случае Чмыхало не сбился на общую тропу, не поддался соблазну, хотя сюжетов у него поболее, чем у иных поп-детективщиков и детективщиц.

- О чем пишут эти люди? Об одном и том же. Причем – одинаково! Когда переешь сладкого, особенно мёда – горечи охота. Мы переели вот этой, с позволения сказать, литературы, да и вообще искусства. Я однажды на пасеке был, так прошло несколько дней, мне дают свежий мед на куске хлеба – не могу! Запах уже не переносил. В творчестве ныне та же ситуация, - рассуждает Анатолий Иванович. – И дело в самих писателях. Жажда легкой популярности, еще более легкой, да к тому же быстрой, наживы. Какая философия, какой поиск, какие слои! Интрижку дает расследование, а

остальное – инструкция для воров, мошенников и убийц. Ножик не выбрасывай, пальчики уничтожай. Куда зовут так называемые художники слова, к кому зывают? Ну не все же в стране воры и бандиты! И как только пошел этот девятый вал, который накрыл все издательства, я для себя решил, что должен писать о Царстве Свободы. Не блеснуть элегантностью, интригой, художественностью замысла, а просто сказать правду. Художественная элегантность или, наоборот, разнузданность, - это преходящая мода. Правда, мелькнуло в сознании сомнение: а надо ли писателю этим заниматься? А потом вспомнил «Окаянные дни» Бунина. Уж Иван Алексеевич Бунин – великий писатель, и то взялся за те окаянные дни России. Достали! А ведь он гений. Какую-то маленькую деталь так развернет, романа не надо никакого. У Куприна был сюжет на первом месте. А Бунин брал проникновением в психологию. Он брал совесть человеческую в свои пальцы и массировал ее, чтобы дать ей разрастись в сердце каждого человека. Он врачевал ее. Я счастлив, что узнал Бунина раньше, чем других писателей. Раньше Толстого, даже Пушкина всего прочитал уже потом. Восемь месяцев лежал в сочинском госпитале, только там книжки Александра Сергеевича перебрал...

Француз Моруа считал искусство упорядоченной художником действительностью, несущей на себе печать его темперамента, который проявляется в стиле. Анатолий Иванович тоже предпочитает такое определение.

Некоторые, используя разные образы, называли искусство, а в том числе и литературу, одеждой нации, преобразованием реальности, когда рядом строится виртуально иной мир, более человеческий.

- Нет, изображение действительности – это не второй мир, - возражает писатель. – Ну чтобы понятнее... Ходит человек с фотоаппаратом и фиксирует что-то на пленку (не берем цифровую фотографию). Но не все же он фотографирует. Или то, что ему понравилось, или то, что ему нужно для каких-то своих целей. И потом все зависит от проявления. Недопроявка – светло слишком. – Перепроявка – слишком темно. Необходим оптимальный контраст. Не каждый ориентируется в мире, в котором он живет. Помочь человеку понять, что вокруг него, может писатель. Он невольно ставит себя в разные обстоятельства и пишет. Но он не создает другой мир. Он воссоздает мир реальный и то, что в нем происходило или происходит. Задача искусства – совесть, ее пробуждение. Без нее нельзя, тогда это не будет искусством. То, что

творится сейчас, это просто удар по больным точкам зрителя, читателя, слушателя. Причем удар людей не мудрых, а мелкоты, которая ничего не понимает, кроме своей материальной выгоды. Многие, как мотыльки глупые, видят этот огонь, летят на него и других зовут. Вот когда опалят крылья – поймут что-нибудь. Если не сгорят совсем. Есть у нас в Красноярске один писатель, который расправляется с российской историей запросто, берет основные вехи и говорит – ничего не было! Эпатажно, дерзко. Но нелепо и очень печально. Это у актеров называется выпендрёжем. А роль писателя не в выпендрёже, а в правдивом изображении истории.

Конечно, отображение мира не может быть избирательным. Я прохожу мимо многого и как бы не замечаю этого или замечаю, но не считаю настолько важным для выражения основной идеи. Избирательный магнит действует произвольно. Жизнь питает художника, а он питает созданными образами жизнь зрителя, читателя.